

ЧЖЭН ЧЖИ

ДЕСЯТАЯ ЗИМА



INSPIRIA

Москва

УДК 821.581-312.4
ББК 84(5Кит)-44
Ч-57

Zheng Zhi 郑执
Swallowed alive 生吞
Copyright © 2017 by 郑执 (Zheng Zhi)
Russian translation rights authorized by Shanghai Zheng Zhi
Culture Communication Studio, by arrangement with China
Educational Publications Import & Export Corporation Ltd.
All Rights Reserved

Чжэн Чжи.

Ч-57 Десятая зима / Чжэн Чжи ; [перевод с китайского
А. Н. Коробовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 416 с. —
(Ток. Иямису-триллер о профайлерах и маньяках).

ISBN 978-5-04-225266-2

Зима 2003 года. Небольшой город сковала ледяная тишина. В яме недостроенного здания обнаружено обнаженное тело семнадцатилетней девушки. Снег, который шел всю ночь, скрывает не только ее останки, но и важные улики. Следствие быстро заходит в тупик, и мотивы преступления остаются загадкой.

Спустя десять лет в той же яме находят тело еще одной девушки. Способ совершения преступления повторяет детали первого убийства с пугающей точностью. Вот только главный подозреваемый по старому делу давно уже мертв...

Ветеран уголовного розыска Фэн Гоцзин снова берется за расследование, которое приводит его в еще больший лабиринт тайн. На фоне мрака и холода, среди призраков прошлого открывается жуткая тайна, связанная с пятью подростками.

УДК 821.581-312.4
ББК 84(5Кит)-44

ISBN 978-5-04-225266-2

© Коробова А., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство Эксмо», 2026

Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете. Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир.

Иоанн. 1:8–9

Глава 1

Интермедия

В нашем городе как минимум пять банно-оздоровительных комплексов, в название которых входит слово «Золотой». Так было до 2013 года. Сейчас их может быть больше или меньше — я не был там с 2016 года, так что не знаю. В 2016 году мама переехала в Шэньчжэнь, привезла мне дочь и сразу же перенесла могилу моего отца. Она ясно дала понять, что не планирует возвращаться, — сказала, что там ее больше ничего не держит. А я не возражал. Но вернемся к теме про банные комплексы. Пять заведений со словом «Золотой» управлялись одним хозяином — точнее, одной и той же компанией из семи человек. Они побратались еще в армии. Получалось зарабатывать — выручку делили; потом один за другим демобилизовались и сменили профессию. У одного из них отец был начальником тыла военного округа, ресурсы у него были. При его посредничестве они несколько лет занимались приграничной торговлей с «волосатыми»¹, потом переключились на наем строителей для

¹ «Волосатый» — грубо о человеке белой расы, часто о русских. — *Здесь и далее прим. пер.*

сноса домов по реновации и, наконец, пошли в наступление на сферу услуг — открыли отели, химчистки и бани. Семеро побратимов были связаны одной веревочкой, криминал их и тронуть не смел. К тому времени, когда им стукнуло сорок, к каждому из них все обращались «босс».

Открыв банные комплексы, «семеро братьев» объявили, что отныне ни один другой банный комплекс не имеет права использовать в своих названиях слово «Золотой», иначе пусть его владелец пеняет на себя; так что если на какой-то вывеске в городе было слово «Золотой», значит, заведение принадлежало им. За исключением ситуаций, когда надо было принять жесткие меры, расходы их были равномерными, все вопросы они улаживали так, что комар носа не подточит, к подчиненным были беспристрастны, но не приведи бог было вмешаться в их внутренние дела.

Седьмой Босс по старшинству был самым младшим, но его банный комплекс — самым большим, и назывался он «Золотой единорог». В 2003 году там произошел крупный инцидент: зарезали водителя Седьмого Босса. В джакузи забурлила кровь, и две маленькие акулы, которых держали в двадцатиметровом ландшафтном аквариуме, взбесились от ее запаха. Нападавшим был мужчиной средних лет. Полиция просмотрела камеры наблюдения: было видно, как он получил на стойке регистрации специальный браслет, переобулся в шлепки, но никто не обратил внимания, что из школьного рюкзака для девочек, висевшего у него за спиной, он достал тесак для разделки костей, прошел через раздевалку и направился прямо к водителю, который релаксировал в бассейне. Меньше чем за восемь секунд тринадцать ножевых,

татуировка с зеленым драконом на спине водителя была разрезана на несколько частей, а самым глубоким был удар ножом в затылок. В бассейне было несколько человек, но ни один не посмел вмешаться. Закончив резню, мужчина надел рюкзак, бросил нож в джакузи с лекарственным настоем из трав и вышел на улицу прямо в шлепках; кровь с его рук капала всю дорогу до двери на парковку. В тот день был праздник Лаба¹, шел сильный снег, и на земле будто расцвели алые лепестки сливы.

Мужчина средних лет проделал все это молча.

Дело поручили вести Фэн Гоцзиню, которого только что повысили до заместителя руководителя криминальной полиции города. Нож и обувь были оставлены на месте преступления, внешность преступника запомнили, так что его схватили на следующий день. Он, в сущности, и не собирался скрываться — ходил по дому в фирменных шлепках из «Золотого единорога».

На первом допросе выяснилось, что это некий Сун, сорока пяти лет; пять лет назад его сократили с работы, он ремонтирует велосипеды на улице Восьми Триграмм в районе Южного рынка. Жена его сбежала с другим, он один растил дочь, человек порядочный — как же так вышло, что он спутался с криминалом?

Лао² Сун объяснил, что водитель надругался над его дочерью, которой было всего пятнадцать. После

¹ Праздник Лаба, или День просветления Будды — традиционный китайский праздник, отмечаемый 8-го числа 12-го месяца по лунному календарю.

² Лао («почтенный», «старина») — вежливая форма обращения в Китае, если собеседник старше или того же возраста; к младшим обычно обращаются «Сяо». Ставится перед фамилией.

этого она перерезала себе вены на запястье, но ее успели спасти. Лао Сун хотел было заявить в полицию, но водитель, заблаговременно сунув две тысячи юаней в школьный рюкзак его дочери, настаивал на том, что она была проституткой, да еще стал угрожать Лао Суну, что жаловаться бесполезно — он же с Седьмым Боссом заодно. Тогда дочь Лао Суна перерезала запястья, и за ее жизнь всю ночь боролись в больнице. Лао Сун глаз не сомкнул, под ними залегли темные круги. Только когда врач сказал, что угрозы жизни нет, он вернулся на Южный рынок, одолжил тесак для разделки костей у мясника Лао Лю и проехал двенадцать остановок на автобусе до «Золотого единорога». Такси брать не стал — деньги копил на учебу дочери в университете.

У Фэн Гоцзиня сердце сжалось, когда он это услышал. У него также есть дочь по имени Фэн Сюэцзяо. Мы с ней проучились в одном классе двенадцать лет, а в начальной школе вообще сидели за одной партой. В 2003 году Фэн Сюэцзяо было пятнадцать лет — столько же, сколько дочери Лао Суна. Чем больше Фэн Гоцзинь думал об этом, тем тяжелее ему было, но все-таки первое, что он сделал после окончания допроса, — позвонил Седьмому Боссу и поставил его в известность. Тот занервничал — его человек пострадал в его же собственном здании, куда это годится? Урон репутации страшнейший.

Водитель не погиб, то есть это не было дело об убийстве. Седьмой Босс, узнав о мотиве нападения, спросил, есть ли возможность уладить дело частным образом. Фэн Гоцзинь ответил: «Это не тот случай. Лао Суну вынесут приговор». Седьмой Босс сказал: «Помоги найти нужного человека, придумай способ,

чтобы ему дали по минимуму, за деньгами не постою». Фэн Гоцзинь и в самом деле помог тогда, но даже если б Седьмой Босс не попросил его, он сделал бы то же самое — так тоскливо было у него на душе.

Лао Сун отсидел пять лет. Все эти годы по поручению Седьмого Босса ему в камеру отправляли много еды. Обучение дочери Лао Суна в университете также было оплачено Седьмым Боссом, но продолжалось это только до второго курса — во втором семестре дочь Лао Суна выбросилась из окна общежития, потому что ее бросил любимый человек. Освободившись, Лао Сун похоронил свою дочь и продолжил чинить велосипеды на улице Триграмм. Ему было чуть за пятьдесят, но он был совсем седой и выглядел на все семьдесят. Фэн Гоцзинь предложил помочь устроить его ночным сторожем на парковку микрорайона. Лао Сун сказал: «Ценю вашу заботу, но велосипеды чинить лучше: приходишь и уходишь когда хочешь, а ешь досыта».

А того водителя Седьмой Босс быстро отвез после ранения на сельскую ферму кормить тибетских мастифов. Однажды клетку плохо заперли, и его укусила бешеная собака. Он заразился бешенством — боялся света, боялся воды, боялся звуков. Целыми днями прятался в комнате и не решался выйти. Потом говорили, что он умер.

Фэн Сюэцзяо рассказала мне обо всем этом десять лет спустя, в 2013 году, в Пекине. В два часа ночи мы вдвоем лежали обнаженные на шикарнейшей кровати. Все, что было до этого, я помню урывками; было ли между нами что-то, не помню. Позже по разным признакам стало понятно, что, видимо, ничего не было. Но почему мы оказались без одежды? Выпили на встрече одноклассников... Прошло почти три

года с тех пор, как мы окончили вузы. Те, у кого дела шли неважно, находили отговорки, чтобы не прийти. А я без комплексов — хоть и потерял работу, заявился вспомнить старую дружбу и как следует напиться. Проспиртовался я в тот день основательно...

Фэн Сюэцзяо только что прилетела из Америки — она была аспиранткой факультета кино и телевидения университета Южной Калифорнии. Мы три года не виделись. Я не понял, с чего вдруг Фэн Сюэцзяо затронула дело десятилетней давности — то ли чтобы избежать неловкости, то ли с какой-то другой целью. Она пустилась в объяснения, что никто на самом деле не понимает, какое у ее отца мягкое сердце, — столько лет прошло, а он, как выпьет, сразу вспоминает Лао Суна... Я сказал, что на самом деле это незаметно. «Все мы боимся твоего отца. Он выглядит так жутко, что, не будь он полицейским, я бы решил, что он мафиозо. Хорошо, что ты на него внешне не похожа...». Фэн Сюэцзяо пнула меня ногой под одеялом.

Я лежал на кровати и курил, не зажигая свет. Фэн Сюэцзяо попросила у меня сигарету. Видимо, я еще не протрезвел, поэтому сказал то, за что мне было потом ужасно стыдно. Я сказал:

— Цзяоцзяо¹, от меня сейчас проку мало и домой уже пора; между нами, наверное, не было ничего?

Фэн Сюэцзяо повернула голову и посмотрела на меня. Даже в темноте я заметил изумление в ее глазах:

— А у тебя нет проблем по этой части? Раз ты такой благовоспитанный, близко ко мне больше не подходи,

¹ Удвоение одного из слогов имени — ласковая форма обращения. Цзяоцзяо значит «красавица», «прелестница».

встречу на улице — и не посмотрю. Скажи спасибо детским воспоминаниям, плюс один балл тебе дают — так что один минус один равно нулю. Число пока не отрицательное. Но если и дальше будешь творить что попало, когда-нибудь уйдешь в минус; потом меня не вини, раз ты сразу за штаны хватаешься и нос воротишь.

Упомянув о штанах, она улыбнулась сама себе. Мне вдруг показалось, что я ее совсем не знаю, и в темноте даже не помнил, как она выглядит.

Чтобы сгладить неловкость и сменить тему, я спросил, с кем из одноклассников она поддерживает отношения. Фэн Сюэцзяо ответила не задумываясь: Цинь Ли, пару раз общалась с ним в интернете. Признаюсь, когда я услышал имя Цинь Ли, меня всего затрясло. Я не мог вымолвить ни слова — будто чья-то рука протянулась из темноты и сдавила мне горло.

Фэн Сюэцзяо долго искала на ощупь выключатель и наконец включила свет в ванной. Свет проникал сквозь матовое стекло дешевого отеля и падал на кровать. Фэн Сюэцзяо села и попросила у меня еще сигарету. Она неловко затянулась пару раз и загадочно произнесла:

— Я расскажу тебе об этом, но ты должен поклясться, что дальше тебя это не уйдет.

У нее было такое выражение лица, как в пятом или шестом классе, когда она по секрету рассказывала мне, кто в нашем классе с кем дружит. Это было так по-детски, наивно до смешного... Я сказал, мол, ладно, давай шпарь.

— Буквально вчера мой отец расследовал одно дело, — начала она. — Обнаружено тело девятнадцатилетней девушки, труп уже окоченел. Ее бросили в большую яму перед Башней призраков, полностью

обнаженной, а на животе были вырезаны странные узоры. Тебе это ничего не напоминает?

Я безотчетно рывком сел на кровати:

— Точь-в-точь как то, что сделал Цинь Тянь десять лет назад...

Фэн Сюэцзяо кивнула:

— Да, но Цинь Тянь умер несколько лет назад и до самой своей смерти был растением.

Я задал встречный вопрос, что это значит. Фэн Сюэцзяо сказала, это значит, что десять лет назад ее отец, возможно, схватил невиновного.

Может, это преступление-подражание, как у серийных маньяков-извращенцев в американских фильмах? Я тут же отказался от этой идеи — мы все-таки не в США и жизнь — это не кино.

— Если это дело отправят на пересмотр, — продолжила Фэн Сюэцзяо, — спокойная жизнь у моего отца закончится. Как ты думаешь, брат Цинь Ли на самом деле невиновен и осужден несправедливо?

— Не выдумывай. Тогда была масса неопровержимых доказательств. Цинь Тянь заслуживал смерти. А то, что твой отец герой, весь город знает.

Фэн Сюэцзяо, казалось, не слышала меня. Она разговаривала сама с собой:

— У моего отца очень мягкое сердце. Все эти годы, кроме Лао Суна, ему не давали покоя братья Цинь, особенно Цинь Ли — отец часто повторял, что у него могло быть большое будущее...

— Ты голодна? Приготовить тебе тарелку лапши?

— Не голодна. Помни: ты обещал мне, что никому про это не расскажешь.

— Помню. Но я еще не протрезвел и не уверен, правду ты только что сказала или нет. Я подумаю об

этом завтра утром, когда протрезвею; все слишком похоже на сон, все нереально.

— Что нереально? Лао Сун или Цинь Ли?

— Все нереально, включая тебя.

Вскипятив воду, я заварил себе лапшу «Мастер Кан», а через три минуты, когда лапша была готова, налил стакан горячей воды для Фэн Сюэцзяо.

— Надо же, какой ты внимательный, не замечала раньше... — сказала она. — А чайник ты почистил?

— Зачем чистить чайник?

— Чайники в китайских отелях нужно чистить перед использованием; я слышала, что многие психи кладут в них всякие гадости. Я ими не пользуюсь, пока не почищу, и воду оттуда не пью, если только не умираю от жажды.

Я спросил, у всех ли, кто возвращается из-за границы, такие закидоны, как у нее. Договорив, понял, что сижу на стуле голый и беззащитный, в то время как Фэн Сюэцзяо оперлась об изголовье кровати и закуталась по самую шею одеялом. Это казалось несправедливым. У Фэн Сюэцзяо была очень длинная шея. Она пьяно посмотрела на меня. Я непроизвольно сжал ноги и этим развеселил ее. Она покрутила в руке сигарету и сказала:

— Ван Ди, послушай меня: когда вернешься домой, найди работу, заведи серьезную девушку и остепенись, иначе тебе конец, понимаешь?

Я кивнул. Лапша заварилась, и только тут я обнаружил, что забыл вилку на дне... Кажется, я по жизни постоянно совершаю подобные ошибки. Сперва они не кажутся слишком серьезными, а когда я их осознаю, партия уже проиграна.

Зимой, когда я учился на втором курсе, вдруг выяснилось, что моему отцу осталось жить всего два месяца.

ца, и он в мгновение ока перестал быть главой семьи. Метастазы проникли в его легкие и половину печени. Отец не обследовал здоровье больше десяти лет; болезнь обнаружили только из-за высокой температуры, которая держалась полтора месяца.

В моей памяти отец остался здоровым и мощным, как бык. Когда мне было шесть лет, он одной рукой поднял в воздух и отшвырнул на несколько метров одного типа из соседнего микрорайона, который часто обижал меня. Тот в хлам разбил лицо. После этого я никогда больше не капризничал, а если совершал какие-то проступки в школе, скрывал их от него всеми возможными способами — боялся, что он ухватит меня и вышвырнет вот так, что я разобьюсь.

После известия о том, что ему осталось ходить по свету каких-то два месяца, его мощное тело, вероятно, не могло отреагировать на это сразу же. Он продолжил давить на педали своего грузового велосипеда и еще три дня продавал шашлычки, жаренные во фритюре. Как ни странно, торговля шла лучше обычного — наверное, потому что с приходом холодов людям хочется съесть чего-то горячего. А потом отец уже не мог держаться на ногах, и мама насильно уложила его в больницу. Еще через полмесяца он был не в состоянии поднять свое тело с постели, поэтому мама позвонила мне и сказала, чтобы я поскорее возвращался из Пекина. Каждую ночь до его кончины я дежурил у его кровати. Было несколько вечеров, когда мамы не было рядом — она уходила домой постирать белье. Мне всегда казалось, что отец хочет что-то сказать, дать мне какой-то наказ, но наказывать было нечего.

Однажды он попросил у медсестры ручку и бумагу, чтобы написать завещание, но быстро понял,

что, кроме самого слова «завещание», писать нечего. У него не было ни собственности, ни последнего желания. Старая квартира — единственное имущество нашей семьи — была записана на имя матери. В конце концов отец снова и снова просил меня пообещать заботиться о моей матери. Кроме того, он сказал, что давно купил страховку. Выгодоприобретателем был я. По его расчетам, после его ухода он оставит мне больше семидесяти тысяч — 74 506 юаней 60 фэней. Его жизнь в итоге стоила таких больших денег, и все они оказались в моих руках.

На третьем курсе я тайком от мамы вынул 50 000 из них и вместе с однокурсником открыл магазинчик у входа в университет, где торговали чаем с молоком. Я хотел вложить деньги в бизнес, заработать и снизить нагрузку на маму. В результате и полугодом не прошло, как магазин прогорел, а денег не осталось ни гроша. Мама ничего не сказала; она продолжала давить на педали грузового велосипеда, чтобы по вечерам продавать шашлычки, а днем ей приходилось мести улицы.

Позже я узнал, что мой однокурсник кинул меня. Однажды вечером я напился и, вернувшись в общежитие, избил его. Ему наложили семнадцать швов на голову, а меня поставили на учет в университете. На последнем семестре выпускного курса меня поймали на списывании во время госэкзамена по специальности и, с учетом предыдущего взыскания, вместо диплома выдали мне справку об обучении. Я пытался найти работу, но на рынок труда не так-то просто попасть — в эту дверь еще надо суметь войти.

После окончания университета я остался в Пекине и перебивался случайными заработками — самая продолжительная из моих работ не превышала вось-

ми месяцев. Я писал генеральный план для агентства недвижимости за 3500 юаней в месяц, а потом его владелец сбежал с деньгами, и агентство исчезло.

Я до сих пор так и не понял, где свернул не туда, какой шаг был ошибочным на этом пути.

С моими финансами в те годы мой удел был жить в подвале, как все молодые люди, которые не захотели возвращаться к себе на родину и изо всех сил цеплялись за Пекин, но я предпочел самым бесстыжим образом продавливать диван в гостиной дома Гао Лэя. Мы жили втроем с ним и его арендатором; правда, сам он по полгода проводил в командировке. Квартиру купили родители Гао Лэя, я не платил ему за съем. У нас было джентльменское соглашение: несколько раз в месяц я приглашал его куда-нибудь выпить, вот и все.

С Гао Лэем мы проучились в одном классе шесть лет. Если бы меня спросили, кто мой лучший друг, я бы назвал его. На самом деле следовало бы упомянуть еще троих: Фэн Сюэцзяо, Цинь Ли и Хуан Шу. В восьмом классе мы все впятером дали клятву — я точно уже не вспомню, какие конкретно в ней были слова, но, наверное, примерно те же, какие сказали Седьмой Босс и шесть его названных братьев. Что-то вроде «делить и счастье, и беду», «всю жизнь быть заодно»...

Но никто из нас не знает — по крайней мере, я не знаю, — в какой момент в нашей жизни все пошло наперекосяк, так что много лет спустя мы стали чужими людьми и казалось, что наши встречи и расставания нам приснились. Двое из нас уже в ином мире. Возможно, они там воссоединились и с грустной улыбкой смотрят, как живые продолжают наслаждаться счастьем или страдать от невзгод, — так, будто смотрят пьесу...